

Колосёк
1
ЯНВАРЬ
1969

ВОССТАА

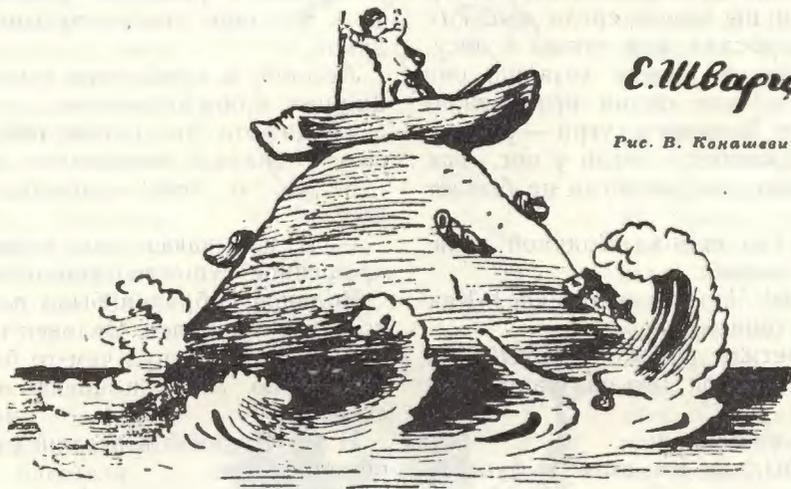
БУДЕТ

ПУСТЬ

СОЛНЦЕ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СКАЗКА

Е. Шварц

Рис. В. Конашевича

Эта сказка впервые появилась на страницах «Костра» во время ленинградской блокады. Бумаги в осажденном городе не хватало, «Костер» печатался крохотным тиражом, и сказка Е. Шварца, как и многие другие материалы, претерпела сокращения. Теперь вы можете прочитать «Ленинградскую сказку» всю целиком. Иллюстрации прежние, рисунки эти сделаны художником В. Конашевичем в 1943 году.

Все любят море — и ты, и я, и моряки, и рыбаки, и дельфины, и чайки. Но на той земле, где стоит теперь наш Ленинград, когда-то шумело море дикое и до того пустынное, что некому было любить его. Даже рыбы не знали, любят ли они свое море, ведь их никто не ловил. А рыба понимает, что жить без воды не может, только когда ее тащат отсюда на крючке.

Хозяинчал тогда в море Водяной, сварливый и неуживчивый. Только рыбы с ним и уживались по безответности своей. Целыми веками бродил Водяной взад и вперед по морю, выставив нос наружу. На глубоком месте вытягивался Водяной в ниточку, на мелком — расплывался в блин и все принюхивался, все приглядывался, все искал, кого бы ему утопить. Но никого, никого не встречал Водяной. Топил он только низкие пустынные берега, показывал свою силу.

Топил он берега, топил и добрался, наконец, до Пулковских высот. И, взглянувши с мелкого места на высоты эти, затрясся Водяной, как кисель. Разгневался.

Он увидел: стеною стоит на Пулковских высотах лес. А в лесу Великан наклонился над огромною сосною, причесывает ей верхушку деревянным гребнем. Водяному послышалось, будто гром грохочет вдали. Но он разобрал скоро, как Великан бормочет:

— Ох, растрепана ты, растрепана, ну и растрепана.

Глядел на это Водяной, глядел, слушал, слушал, трясся, трясся и вдруг со злости заплакал в тридцать три ручья.

— Что такое? — загремел Великан. — Кто ревет?

Водяной молча показал Великану кулак.

— Смотри-ка! — удивился Великан. — Лежит на мели какой-то блин да еще и грозится. Ты кто такой?

— Я владыка воды, Водокрут, Водомет, Водогон, Водобой, Водяной Первый! А ты кто?

— Лесовик, — сказал Великан.

— Лесовик? — зашипел Водяной. — Ну, прощай, Лесовик. Сейчас я тебя прикончу!

И он выгнул спину горбом, как кот. И морская вода вслед за ним сгорбилась, без шума и плеска встала горой, дрогнула, двинулась и рухнула на берег. Брызги взлетели выше Пулковских высот. Разбилась водяная гора в пену и отхлынула.

— Ага! Ушибся о корни! — сказал Лесовик. — То-то, брат. Помни твердо: земля — это мое хозяйство.

Молча отвернулся Водяной и, извиваясь как змея, поплыл под водой в самую морскую глубь.

Раз в сто лет уходил Водяной на дно отдыхать. Трое суток сидел он под водою

неподвижно, как неживой, закрыв глаза, сложив лапы. Семь лет оставалось ему до положенного срока, но он все-таки пошел на дно набраться сил. В глубочайшей подводной пропасти уселся он на камне среди высоких водорослей. В водорослях, как птицы в лесу, шныряли рыбы. Увидев своего хозяина, они пошли к нему. Морские окуни неподвижно встали над головою Водяного, угри — у плеч, селетки — у колен, камбалы легли у ног. Так тихо стало под водою, как никогда не бывает на земле.

Но вот через сутки поднял Водяной веки, поглядел на рыб и сказал:

— Рыбы, а рыбы! Что же это такое? Как же мне Лесовика утопить?

Ни слова не ответили рыбы, и первый раз в жизни пожалел Водяной, что они такие безответные.

На вторые сутки он сказал:

— Рыбы, а рыбы, да вы хоть выругайте Лесовика-то!

Рыбы даже не пошевелились, и обидно стало Водяному, что они такие хладнокровные.

К концу третьих суток, сидя на дне, начал Водяной тянуться вверх и вытянулся в ниточку, и нос его поднялся над волнами. И Водяной зашипел:

— Прососу, проточу, размою, затоплю!

Так началась война Водяного с Лесовиком.

Дня не проходило без боя. Но древесные корни крепко держали свою землю. А Лесовик еще и дразнил врага.

— Вода-то, — говорил он, — поумнее тебя. Она любит нас.

— Глупости! — шипел Водяной.

— Как же глупости? Смотри — вон каждое деревце качается в воде вверх корнями. Это твое море моим хозяйством любит, играет с ним.

Водяной с визгом бросался на лес, котрый, как живой, отражался в воде, а Лесовик хохотал, как гром.

— Чудак ты, чудак! — гремел он. — Вода по мягкости своей пока что слушается тебя. Но это не навеки. Ведь добрее воды ничего на свете нету. Она и деревья мои поит, и цветы, и травы, и меня, Великана. Гляжу я на море и думаю: попасть бы ему в хорошие руки — оно радовало бы всех, а не пугало бы.

От таких слов завивался Водяной штопором, и выл, и плакал в тридцать три ручья, и гнал волны на берег, и отступал весь в брызгах и пене, но все напрасно.

И вот однажды, на стопятидесятый год войны, выглянул Водяной из воды и видит.

Стоит рядом с Великаном Лесовиком крошечное существо. И разговаривает это существо с Великаном как с равным — спокойно рассуждает, разводит руками, улыбается.

— Это еще что за пузырь? — завопил Водяной.

Лесовик и крошечное существо обернулись на крик, и оба засмеялись.

— Да это ты никак обо мне спрашиваешь? — сказала крошечное существо.

— Да, о тебе! — ответил Водяной. — Ты кто?

— Я называюсь так: человек, — объяснило крошечное существо спокойно.

Водяной собрался было плакать от ярости, но вдруг утешился. Человек подошел к огромному дубу, взмахнул чем-то блестящим, и стук пошел по лесу, и щепки брызнули во все стороны.

И тут Водяной в первый раз в своей жизни обрадовался.

— Он дерево портит! — завопил Водяной. — Вот радость-то!

— Не портит он его, а рубит топором, — ответил Лесовик. — Когда ветер валит дерево — вот это действительно жалость. А ты, человек, руби себе, я тебя очень люблю.

— Как можно такую гадость любить? — спросил Водяной.

— Вокруг человека все так и оживает, — ответил Лесовик. — А ведь лучше этого ничего на свете нет.

Тут дуб затрещал и тяжело рухнул на землю.

— Пока что дуб-то твой помер! — зашипел Водяной радостно.

Но дуб бодро проскрипел на своем дубовом языке:

— Нет, брат, мы брат, дубы, брат, еще брат, того, брат...

Случилось все это ранней весной. Дни стояли длинные-длинные, и человек от восхода до заката работал возле срубленного дуба, стучал топором.

— Наверное, он помрет от усталости, — мечтал Водяной, лежа на мели. — Вот радость-то будет!

Но человек и не думал умирать. Иногда он даже громко пел, отчего Водяной дрожал, как кисель. В полдень из лесу выходила жена человека и сын его, маленький мальчик. Они приносили человеку обед. Водяной грозил им кулаком, но они и не глядели в его сторону. Человек показывал жене и сыну, как много он успел наработать с утра. И Лесовик, став на колени, нагнувшись до самой земли, вместе с людьми любовался человеческой работой. И Водяной, вытянув шею как журавль, тоже

старался разглядеть, что там мастерит человечек, и ничего не мог понять.

Но вот пришел день, когда Водяной понял все. Это был день ясный, солнечный, чего Водяной терпеть не мог. Он залег было с утра на своей мели, но солнце так прогревало воду, что Водяной выбрал место поглубже и зарылся в тину, освежиться. Освежившись, пошел он вверх и вдруг больно стукнулся головой обо что-то живое и твердое. Водяной отпрянул, высунул нос из воды и завыл.

Человек, сидя в выдолбленном и обтесанном дубовом стволе, быстро плыл по морю. Какие-то палки блестели у него в руках.

— Что это за гадость? — заревел Водяной.

— Это называется так: лодка! — ответил человек. — А в руках у меня весла. Хорошо сработано? А?

Лесовик стоял на берегу и кричал:

— Счастливой охоты!

А Водяной молча двигался за лодкой.

Далеко-далеко в море человек перестал грести и закинул в воду удочку.

Долго глядел Водяной на человека, а потом прошипел:

— Ну, а теперь я примусь за работу!

Не спеша завилась он штопором, уперся ногами в дно, широко распротер лапы и завертелся на месте как волчок. И мусть поднялась с морского дна. И высокие морские волны с белыми гребешками пошли на лодку — одна, вторая, третья. И вот девятый вал горою вырос над человеком. Сам Водяной стоял во весь рост в этой страшной девятой волне и глядел на человека своими белыми глазами. Но человек ударил веслами, и лодка отпрыгнула, как живая. Нет, человек ни за что не хотел тонуть. Так удивительно он работал веслами, что вода слушалась его, а не Водяного. Волны покорно несли лодку прочь от разъяренного чудовища, от собственного своего владыки.

— Вот видишь! Я же тебе говорил! Вода умных людей любит! — гремел на берегу Лесовик.

И человек благополучно причалил к берегу, выволок лодку из воды и понес рыбу домой в ведре.

Ночью взошла полная луна. Море заблестело. Водяной поднял голову над водой, и нос его тоже засверкал, как серебряный. И Водяной завыл так жалобно, что дрожь пошла по воде.

Лесовик негромко заговорил на берегу.

— Водяной, а Водяной! Не в пору ты расшумелся. Не кричи, прошу тебя! В лесу у нас так хорошо, мирно. Весна пришла. Листья в первый раз в жизни шуршат и сами этому удивляются, они у меня еще маленькие, можно сказать, дети. Зайцы на поляне пляшут. Соловей глаза закрыл — значит, сейчас запоет. К чему ты орешь? Веди себя скромно.

В ответ Водяной завыл еще громче, еще тоскливее.

— Нрав у тебя дикий, безобразный! — сказал Лесовик, забрался поглубже в чащу и заткнул уши.

А Водяной все выл, все выл, пока туман не поднялся над морем. Тогда Водяному стало легче. Ни берегов кругом не видно, ни луны, как будто полным хозяином на свете остался он один — Водяной.

— Хорошо, — прохрипел он, — потерпим до осени.

И вот пришла осень, как раз такая, о какой мечтал Водяной — сырая, туманная, темная. Дождь лил до того частый, туман стоял до того густой, что Водяной в один ненастный день поднялся из моря и поплыл по воздуху, как по воде.

Человек работал в лесу и пел песни, как будто ему все равно было, какая стоит погода. А Водяной, невидимый в тумане, неслышно подплыл к нему между стволами. Он схватил человека за горло, но, услышав шаги Лесовика, дрогнул и поплыл обратно к морю.

— Экая сырость! — пробормотал человек, перестав петь. — Так прямо и душит.

И к вечеру он заболел, слег. Глотать было больно, голова болела, он бредил. А к утру человеку стало еще хуже. Жена его сидела рядом с ним, а Лесовик бродил по лесным полянам, собирал целебные травы, чтобы сварить лекарство больному. Все были печальны, только маленький мальчик, сын человека, твердо верил, что все кончится хорошо. Ему было всего семь лет, и он не знал еще, что

иногда к людям приходит настоящее горе.

— Когда отец поправится — ему захочется есть. Я поеду рыбу ловить! — сказал он.

— Нет, не смей! — ответила мать.

Но мальчик притворился, что не расслышал, и побежал на берег. Из всех сил навалился он на корму лодки, чтобы столкнуть ее в море. Но лодка отлично знала, что нельзя мальчику выходить на рыбную ловлю одному. Она уткнулась носом в песок и не двигалась с места!

Но тут из воды поднялась огромная лапа. Через туман и дождь двинулась она к лодке и схватила ее за нос. И лодка, не успев понять, что с нею случилось, закачалась на воде.

— То-то! — сказал мальчик. — Я знал, что я силач. — Он схватил весла и удочку, и лодка понеслась по воде.

«Я гребу! легче отца!» — подумал мальчик радостно.

А это Водяной толкал лодку в корму лбом, и она вихрем летела по волнам через дождь и туман.

Далеко-далеко в море остановился Водяной наконец и заплакал от радости в тридцать три ручья. А мальчик, не зная, какая страшная беда ему грозит, спокойно забросил удочку в воду.

Тут лодка опомнилась и закричала на своем дубовом языке:

— Лесовик! Того! Как его! Неладно! Уволокло! Надо бы! Обратно бы! Домой бы! Скорее бы!

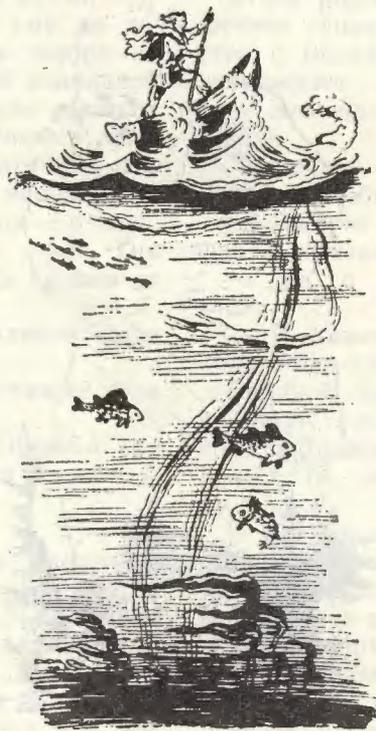
По воде слова летят легко, и они мигом донесли до Лесовика. И Лесовик выпрямился во весь свой огромный рост. Стоя по колено в лесу, как в траве, он через дождь и туман сурово взглянул на плачущего Водяного.

— Чего смотришь? — завыл Водяной. — Не мешай мне работать! Я сейчас мальчика топить буду-у!

— Попробуй! — прогрехотал Лесовик.

— Здесь мое хозяйство! — выл Водяной. — Мое! Мое! Мое! Здесь — вода, вода, вода!

— А под водой что? — спросил Лесовик сурово.

— Водоросли — вот что! — ответил Водяной.

— А еще?

— А еще — рыба.

— А еще?

— А больше ничего и нет, — ответил Водяной. — Довольно меня с толку сбивать. Сейчас мальчишка утонет. Отец его с горя ослабеет, и простуда убьет его. Умрет от тоски и женщина. И все будет хорошо! Довольно, довольно поболтали, пора дело делать!

И он не спеша завился штопором; уперся ногами в дно, широко распростер лапы и завертелся на месте как волчок. И мусть поднялась с морского дна. И высокие серые волны с седыми гребнями пошли на лодку — одна, вторая, третья. И вот девятый вал горою вырос у лодки. Сам Водяной стоял во весь рост в этой страшной девятой волне и, не мигая, смотрел на мальчика своими белыми глазами.

На берегу громовым голосом закричал Лесовик. Волна обрушилась.

— Ну, вот я и погиб! — подумал мальчик и зажмурился.

И в тот же миг лодка перестала качаться. Волны отхлынули с ревом. Водяной взвизгнул. Лесовик захохотал.

Мальчик открыл глаза и увидел чудо.

Лодка стояла на большом илистом острове. Далеко-далеко в тумане прыгали мелкие волны и блеснул длинный нос Водяного.

— Что это? — спросил мальчик.

— Что это такое? — завизжал Водяной.

— Я приказал всему илу опуститься, а дну подняться. — прогремел Лесовик. — Земля — это мое хозяйство. Дно мне покоряется.

Молча протянул Водяной лапу и потащил лодку с мальчиком в море. И снова обрушилась на мальчика волна. И новый остров поднялся над морем. Целые сутки не сдавалось упрямое чудовище, пока до самых Пулковских высот не протянулась новая земля. И мальчик пешком отправился домой. Он шел по плоской земле, и его босые ноги оставляли глубокие следы в мягком иле. И когда мальчик исчез в лесу, новая земля совсем опустела. Она была серая-серая, ровная-ровная, невеселая, сырая, но Лесовик хохотал от восторга, глядя на огромную новорожденную равнину. Следы, которые оставили босые ноги

мальчика, наполнились водой и заблестели.

— С добрым утром! — крикнул Лесовик новой земле.

И она едва слышно прошуршала в ответ:

— Здравствуйте!

Когда мальчик рассказал дома обо всем, что с ним случилось, отец вскочил с постели. Все трое выбежали на берег и стали рядом с Лесовиком.

— Нравится тебе наша новая земля? — спросил Лесовик.

— Да, земля ничего себе, — ответил человек. — Только где же я буду рыбу ловить?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Лесовик.

— Я сегодня совсем здоров, — сказал человек. — А что?

— Я хочу взять вас всех на руки и поднять повыше, — сказал Лесовик.

И он поднял всех троих высоко в воздух.

— Видишь огромную реку, которая бежит по равнине к морю?

— Вижу, — ответил человек.

— Это река для тебя. Она называется так: Нева, — сказал Лесовик. — Вон река поменьше. Она называется Фонтанка. Это для тебя, мальчик. На этой реке ты будешь учиться водить лодку и удить рыбу. А вон речка по имени Мойка. Это для хозяйства: посуду мыть, белье стирать. Поняли? Ну, а теперь пойдем гулять по нашей новой земле.

Много, много веков прошло с тех пор, но Лесовик помнит чудеса тех давних времен, будто произошли они только вчера. Любя людей, превратился Лесовик из Великана в очень рослого человека, чтобы еще ближе, еще дружнее жить с ними. Но могуч он, как в былые дни. В садах, в парках, в лесах работает он и никогда не устает, и по-прежнему вокруг него все так и оживает.

Этой осенью, поздней ночью, бродили мы с ним по ленинградским улицам. Весел был Лесовик, хотя туман сплошной пеленой стоял между домами и мелкий дождь моросил так упорно, будто не собирался перестать много-много веков.

Возле Дворца пионеров сказал Лесовик:

— Стой!

Мы остановились.

— Как раз здесь, — сказал Лесовик, — как раз на этом самом месте поднялась над морем и обрушилась страшная девятая волна. И мальчик закрыл глаза в страхе. И первая ленинградская земля поднялась над водой. Верно я говорю?

— Что? Что? Что? — спросила шепотом земля из-под асфальта, из-под камней.

— Верно я говорю? — прогремел Лесовик. — Ты первая выросла из моря?

— Так, так, так, — подтвердила земля шепотом. — Я тут самая старшая, я тут старше всех.

Мы пошли дальше через дождь и туман.

Лесовик вежливо здоровался с последними трамваями, бегущими в парк, с домами, в которых погас уже свет, с мокрыми от дождя автомобилями, и все почтительно отвечали ему.

Когда мы шли мимо Летнего сада, Лесовик спросил негромко:

— Как живете, друзья?

Деревья не ответили ни слова.

— Как живете, друзья? — повторил Лесовик. И весь Летний сад прошептал едва слышно:

— Осыпаемся да засыпаем, засыпаем до весны.

На Кировском мосту мы остановились. Густой туман стеною окружал нас. Исчезли в тумане берега, дома, огни. Казалось, сырая дикая паутина лежит вокруг.

— Эх, люблю город, который вырос там, где расти так трудно! Люблю осень — памятное время! Ведь как раз осенью Водокрут, Водогон, Водомет, Водобой, Водяной Первый был побежден навеки.

Едва он сказал эти слова, как в тумане, надрываясь, жалобно завопила сирена буксирного парохода.

— Вот точно так кричит Водяной, когда он тоскует, — сказал Лесовик. — Как видно, моряк, который придумал сирену, знал Водяного так же хорошо, как и я.

— Разве Водяной жив еще? — спросили мы.

— Жив, — ответил Лесовик. — И много, много раз пробовал он утопить новую нашу землю. Каждую осень гонит он морскую воду в Неву, и река выходит из берегов. Но скоро мы поставим плотины, которые навсегда загородят Водяному дорогу к нам. Больше не будет наводнений, и старик умрет от злости.

Тут сирена завопила еще тоскливее, еще жалобнее и унылее.

— Берегись! — закричал Лесовик.

Прямо к моему горлу, из тумана, протянулись белые лапы. Прозрачная башка с белыми глазами, качаясь, поплыла над мостом. И Лесовик сказал с удовольствием:

— Нет, с ним еще придется подражать. До чего же упряма — это просто красота!